ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЯМИ, А ТАКЖЕ ИМПЕРАТОРОМ ФРАНЦЕМ-ИОСИФОМ

Виктор НЕКРАСОВ

Это интригующее название вызвано вовсе не желанием привлечь внимание к нижеизложенному. Я действительно приношу самым искренним образом свои извинения и тем, я другому, хотя этот «другой» давно уже в бозе почил...

Дело в том, что в рассказе «Дедушка и внучек» («Новый мир», № 9, 1968) я допустил — каюсь в этом чистосердечно — грубую ошибку. Ошибку, за которую получил крепкую взбучку от тех читателей, которые имеют обыкновение делиться с писателями своими мыслями по поводу прочитанного. Вот эти-то письма, особенно последнее, полученное совсем недавно, и натолкнули меня на мысль рассказать о том, что я предлагаю сейчас читателю.

Напоминаю на всякий случай содержание «Дедушки и внучка».

В 1923 году у нас в Киеве несколько дней гостил крупный нью-йоркский библиотечный деятель Гарри М. Лайденберг. Живя у нас, он писал домой письма. Сорок с лишним лет спустя эти письма чудом попали мне в руки через сына Лайденберга — Джона, а еще через два года приехал в Киев его внук — Стив. Вот о встрече со Стивом я и написал, включив в повествование письма его деда и рассказав кое-что о Киеве тех лет...

Возвращаюсь к читателям... Получая от них письма, я поражен был тем, что 99 процентов из них посвящены не героям повествования, не первому в моей жизни американцу Гарри М. Лайденбергу, не моей тетке, библиотекарше, приютившей его у нас (с гостиницами тогда было еще хуже, чем сейчас), даже не Стиву, а... австро-венгерскому флоту.

Прочитайте в «Дедушке и внучке» то место, где автор вспоминает о журнале «Зуав», издававшемся им с друзьями в 12-летнем возрасте, и вы натолкнетесь на цитату из так называемого романа «Медуза»:

«— Корабль на горизонте.
— В скольких милях?
— Приблизительно, в трех.
— Национальность?
— Австрийский...
— Открыть огонь!» и т. д.

«Да, не сохранись этот номер «Зуава», — пишет дальше постаревший автор «Медузы», — я никогда и не подозревал бы, что у Австро-Венгрии, не имевшей никогда ни одного морского порта, был свой собственный военный флот».

А ведь был, черт возьми, — признаюсь я сейчас, — был! И порты были... И я знал об этом, но... Что поделаешь, виноват, каюсь!

С юмором, но очень тактично указал мне на мою ошибку ленинградский писатель Лев Успенский. Настолько мило и изящно, что позволю себе привести несколько больших цитат из его письма.

Лев Васильевич старше меня ровно на десять лет, поэтому он и пишет в своем письме:

«Видите, что значит десять лет разницы в таком время! Для вас Австро-Венгрия уже стала почти что фикцией, а для меня в мои 13 лет она была «великой державой». Я ее карты перечерчивал тысячи раз и отлично знал, разглядывая фотографии «Граф Зренталь на променаде в Аббации», что в те дни, «в мое время», — до того, как все в мире закувыркалось, — северная граница «Двуединой монархии» (так ее тогда звали) упиралась в Адриатику северо-западнее Триеста, очень крупного порта, оставляя во владениях Габсбургов весь полуостров Истрию, и на его южной оконечности большой военный порт Полу...

Теперь о кораблях. Помимо капитана Мариетта, Конан-Дойля и всего того, чем мы с Вами увлекались «в четыре руки», моим любимым чтением в те годы (в мои 13) были еще ежегодно обновлявшиеся немецкие «Ташенбухи дер Кригсмаринэ» и наши сборники «Российский Императорский Флот». Так вот, во-первых, гогенцоллеровская Германия выдвигала, естественно, на первое, вслед за собою, место свою союзницу Австрию. И в каждом таком сборнике непременно изображался один из лучших дредноутов тех лет, флагман австрийского флота, известный своими трехорудийными башнями главного калибра линкор «Вирибус Унитис» (его изображение Вы, вероятно, и видели). Имя его, доставлявшее удовлетворение мне, гимназисту-классику, по латыни значило «Соединенными силами» и было придано ему потому, что этот первый дредноут был построен на собранные по подписке средства.

Так как Австро-Венгрия была «двуединой», то рядом с этим кораблем, австрийским, был заложен и второй, венгерский, названный странно: «Сцент-Иштван». Лишь много лет спустя я узнал, что это название означало всего-навсего «Святой Стефан», покровитель Венгрии. Узнал уже тогда, когда хитроумные итальянские диверсанты, прообраз нынешних аквалангистов и всяких там «камикадзе» и «командос», сумели, пробуксировав вплавь мины в порт Полы, присобачить их к борту громадины, завести адские механизмы, уплыть и потопить корабль «без личного участия». «Сцент-Иштван» вошел в строй во время войны 1914—1918 гг. Но кроме него (и кроме «них»), у Австрии был вполне приличный флот: правда, выбраться из Адриатики у него никакой надежды не было, но ведь и мы были так же заперты в наших главных морях.

Я не думаю, чтобы многие из Ваших читателей, подобно мне, заметили эту Вашу неточность. Не думаю я, что Вам ее стоит «в строку ставить»: как Вы воспринимали мир в 1923 году, так его некоторые черты у Вас в памяти и сохранились. Да и для рассказа — ей-богу — один черт, были у Австрии габсбургской эры порты и флот или их не было.

Но вот покойный адмирал Исаков, постоянный «новомирский» автор, Вам бы этого не спустил. Да и всегда может найтись какой-нибудь литературный задира, который наскочит на Вас из-за куста, придравшись к случаю».

Бог с ними, с этими задирами, скажу я. И вообще, вся эта флотская коллизия выеденного яйца не стоит (я спокойно мог заменить в будущем отдельном издании «Австро-Венгрию» на «послевоенную Австрию»), но зацепился я сейчас за этот злосчастный факт, собственно говоря, не из-за него самого, а как за некий предлог немного порассуждать о читателях, их письмах и кое о чем ином, связанном с этими письмами.

Письма моих читателей разделяются в основном на:

1) Хвалебно - благодарственные.

2) Осуждающие - разоблачающие.

3) Уличающие в ошибках

а) с благими намерениями.

b) с обратными намерениями (письмо из Ленинграда, все о том же флоте: «Автор за эту «историю с географией» заслуживает двойки. Однако, справедливости ради, ее следует разделить с кем-то из редакционной коллегии. И выйдет «по единице на брата». Что ж это за постановка дела в редакции, если возможны такие огрехи?»),

c) из любви к ловле блох («В Киеве было кафе «Семадени», а не «Сомадени...»). Моя вина, плохо просмотрел корректуру.

4) Письма, говорящие, что читателя что-то в прочитанном всколыхнуло, напомнило, к чему-то вернуло, а писателю на что-то открыли глаза.

5) Письма, заводящие или восстанавливающие былые знакомства.

О первых трех категориях говорить не будем. Скажу только, что меня просто удивляет, откуда у людей, в основном занятых (пенсионеры не в счет), находится время и желание, отложив книгу, садиться за стол, брать перо, ну, и т. д...

Но вот последние две категории — это уже нечто посерьезнее. Особенно для писателя. Значит, ему чего-то удалось добиться...

В случае с «Дедушкой и внучком» меня поразило, что именно та часть этих воспоминаний, которой я немного стеснялся, которая казалась мне затянутой и слишком «личной», именно эта часть и задела «четвертую» категорию... «...Надеюсь, читатель меня простит, — извиняюсь я в рассказе, — так приятно вспоминать свое детство и юность».

«Вспоминайте, вспоминайте! — пишет одна из читательниц. — Нам тоже, поверьте, приятно вспоминать...»

И вспоминают. Каждый по-своему. И о своем. И это помогает тебе. И тоже как-то расшевеливает. И дополняет. И идут круги по воде. Все шире и шире...

«Старые» киевляне, рассеянные сейчас по всему Союзу и даже свету, вспоминают «старый» Киев, со «старыми» названиями улиц; сверстники «моего толка» — Жюль Верна, «Мир приключений», Дугласа Фербенкса... И вот теперь, завязав переписку, мы вместе, уже «частным порядком» дополняем друг друга и, не боясь в данном случае «блох», в чем-то даже уличаем друг друга. И нам становится от этого веселее и легче, хотя мы и не знаем друг друга в лицо.

«Вы — киевлянин, — пишет все тот же Лев Успенский, — я — петербуржец и ленинградец. Но был в моей жизни такой кратчайший период, когда я три месяца жил на Владимирской, около Фундуклеевской, учился в страшной бурсе — Екатерининском Реформатском Реальном училище на Лютеранской, ходил читать Жюль Верна и Герберта Уэллса в библиотеку Идзиковского, смотрел с Владимирской горки на Подол и дивился на каменные бабы в Ботаническом саду за Университетом. Был 1911 год, мне было 11 лет; прямо вроде как для моего самообразования Богров застрелил насупротив тогдашнего нашего дома Петра Столыпина в Большом театре (вот и не в Большом, а в Городском, дорогой Лев Васильевич, поймал-таки! — В. Н.), а повыше по Владимирской, и Золотым Воротам я каждый день видел во дворе не то недостроенный, не то полуразрушенный маленький самолетик (там жил психиатр И. Сикорский, и его сын Игорь Сикорский был моим кумиром, потому что я видал, как однажды он летел над слиянием Днепра и Десны — видел из Царского Сада). И вспоминается мне еще и пресловутый дом Городецкого в Липках, перед которым были скульптуры то ли львицы, то ли пумы (я ее видел всегда «пумой»), а на фасаде и удавы, и слоновые головы, и целый Гагенбак... Все этот дом не одобряли, а мне он очень нравился, напоминая Маугли. (Мне тоже. — В. Н.). А сын Городецкого, поступивший в тот же класс, что и я (во 2-й), но бывший на три года старше нас, второклассников, был довольно отрицательным персонажем, ходил «к девочкам» на какие-то улицы, сменившие собой купринские Ямки, бил смертным боем младших, особенно «кишат», и я — я был здоров, как бык, и ростом обгонял даже четвероклассников — сильно лютовал в боях с ним.

Ведь время-то было какое: Чеберячка жила в этом времени. И только-только убили Ющинского. И после убийства Столыпина нас пригнали на молебен «о здравии болярина Петра», а у меня рука не поднималась креститься, потому что в доме у меня выражение «столыпинский галстук» было употребительнее, чем «болярин Петр»...

Вот так-то... Вот и вспоминали мы со Львом Васильевичем старый, любимый Киев (и Золотые Ворота, и Владимир с крестом, и дом Городецкого, все это, слава богу, на месте. Нет только бурсы, библиотеки Идзиковского и перед Оперным театром возвели сейчас убивающую всю улицу 16-этажную громадину, а Игорь Сикорский стал знаменитым авиаконструктором в США — автором «Дугласа» и нынешних вертолетов). Повспоминали... И все это — благодаря «Медузе» и линкору «Вирибус Унитис». Как хорошо, что Лев Васильевич увлекался в детстве справочником «Ташенбух дер Кригсмарина»... И как хорошо, что он придирчив.

«Понять не могу: почему это так? — продолжает Л. Успенский. — Когда вычитываю свои собственные вещи, пропускаю ужаснейшие ляпсусы: недавно вон Эгейское море назвал Ионическим, и ни в одной корректуре не заметил, пока добрые люди не указали.

А при чтении ЧУЖОГО текста малейшая корзубинка бросается в глаза. Напечатали в «Литературке» года два назад фото «Красная Гвардия на улицах Петрограда», там мне первым делом в нос ударила вывеска «Братья Бландовы». А такая фирма «Сыры — Масла» была только в Москве; у нас в Питере ими «и не пахло». Именно приезжая изредка до революции в Москву, я дивился: буквально на каждом углу были обязательно ДВЕ молочные: белая кафельная вывеска «Братья Бландовы» и золотая по синему «А. В. Чичкин». И я нарисовал себе такую картину: жил-был старый добрый купчина А. В. Чичкин. Поступили к нему на работу галантерейных обычаев молодцы — братья Бландовы. И мало-помалу скопили капиталец, открыли свое дело и теперь прижимают старика. Он откроет новый магазин, а они-с — насупротив-с...

Я придумал это и рассказал старому москвичу, отцу. Он удивился. «Эк, как ты все это здорово сообразил... Только — как раз навыворот! Были старики Бландовы, истовая старообрядческая фирма. К ним поступил бойкий родственничек, разбитной «услужающий» Чичкин. И преуспел, как какой Подхалюзин, и взял в жены бландовскую дочку; и теперь их гонит и разоряет...»

Вот почему мне Бландовы запомнились. А тут мне их делают питерцами... Вы, пожалуй, подумаете: «Экий кляузный тип... Читает и только и ищет всякие погрешности!»

Вот уж никогда не ищу и таких искателей «нз-на-вижу», как Козлотур домашних коз. Но что поделаешь: глаз такой».

Ну и хорошо, что такой — иначе мы б и не познакомились. Такие глаза в жизни очень нужны, они принадлежат не «джетатторе», как называют итальянцы людей с дурным глазом, — они не сглазят...

А вот с москвичом, обладателем уникальной фамилии Абезьянин, я познакомился без участия двуединой монархии, а с участием бэрроузовского «Тарзана» и ковбоев из американских «вестернов» двадцатых годов.

Читали мы в то время одно и то же, он даже больше.

«...Держу пари, — пишет Абезьянин, — что вы так и не узнали о замечательном русском романисте буссенаровского толка Барченко и его двух романах «Доктор Черный» и «Из мрака», где и Тибет, и Лхасса, и индийские йоги, и масса всякой всячины...»

Нет, не узнал!

В кино, оказывается, мы бегали тоже на одни и те же картины. Но и в этой, второй области Абезьянину повезло больше, чем мне, хотя у меня и был знакомый администратор «у Шанцера». Абезьянину в 25-м году посчастливилось работать учеником киномеханика в лучшем астраханском кинотеатре «Модерн», и вот тут-то, говорит, насмотрелся он картин «от пуза».

«Здесь позволю, — пишет он, — опять некоторые уточнения (выше он поймал меня на том, что Берроуз и Кервуд появились у нас только в 26-м году, а не в 23-м, как писал я. — В. Н.). В 1923-м ковбой еще не прорвался на российский экран. Уходили в прошлое «Отец Сергий» с Мозжухиным и многосерийный «Дом ненависти» с «вамп» Пирл Уайт. И прежде всего вытеснил потрясающий «Потерянный город» (вспоминайте, вспоминайте, может пригодиться!). Затем уже в конце 1924 года прискакала на резвом коне Руфь Роллан (трехсерийный «Таинственный всадник»), а в 1925-м развалистой походкой, ведя в поводу пегого мустанга, неповторимый («Шериф желтой собаки») Вильям Харт, до которого, конечно, далеко всем последующим рыцарям киношных драк и погонь, начиная от Тома Микса и кончая последним, показанным нам (как выяснилось, по ошибке) Криссом Юл Бриннером...» И так далее, и так далее...

И хотя мне и моему корреспонденту сейчас далеко за пятьдесят, — как понимаю я его, читая заключительные строки письма:

«В 1962 году трое мальчиков моего приблизительно возраста смотрели в кино «Ленинград» «Великолепную семерку». Кончился сеанс в 1 час ночи (тогда так бывало), и мы, выйдя из зала, кинулись к своим мустангам — мотоциклам (у всех английские мощные машины), вскочили на них и понеслись в центр города по стремительной ленте Ленинградского шоссе со скоростью, близкой к сотне километров. Вспоминаю об этом без всякого стыда и не потому, что я профессиональный мотоциклист и бывший гонщик и в общем-то не особенный романтик — но вот что значит эмоциональный заряд!»

А чего стыдиться? При всем своем уважении к Феллини, Антониони, Бергману и другим китам я сам смотрел «Семерку» четыре раза, и, будь у меня мотоцикл и умей я им управлять, — я сделал бы то же самое у нас в Киеве по Брест-Литовскому или Броварскому шоссе...

Еще несколько слов о «пятой», самой приятной категории корреспондентов. К ней относится наиболее обрадовавшая меня встреча — сначала письменная, а потом и «очная». С женой нашего скаутского «начота» (начальника отряда) — могучего и прекрасного, как викинг, Коли Свенсона, о котором я упоминал в «Дедушке и внучке». Самого Коли давно уже нет в живых, жена его живет и работает сейчас во Львове, но встретились мы в Киеве на квартире ее подруги. Компанию нам поддержали еще двое бывших скаутов (обоим уже крепко за шестьдесят) — некий Дзига, семью которого я давно и хорошо знаю, и первый (до Свенсона) начот ОСГН (Отряд скаутов гимназии Науменко — так раньше называлась наша 43-я Трудовая школа) — Коля Грюнер, тоже предмет нашего детского преклонения и восхищения.

У Коли, нет, будем говорить уже — у Николая Максовича Грюнера — жизнь сложилась не сладко. Много он перевидал на своем веку и во многих местах перебывал, но на пенсию перешел буквально за неделю до нашей встречи (он инженер-электрик), и стариковского в нем нет ничего, кроме красивой сплошной седины. Когда мы встретились с ним после 45-летнего перерыва на станции метро «Крещатик», я был поражен его видом: высокий, стройный, подтянутый, в руках чемоданчик — он шел из плавательного бассейна... Живет он в Киеве, на окраине, Лукьяновке, в маленьком домике с садом, а в саду сирень со стволами, как у доброго крещатикского каштана.

Я как-то уже писал о том, что боюсь встреч с прошлым, боюсь натянутости, неестественности, злоупотребления «а помнишь? а помнишь?». Но в этот день, когда мы встретились (а за столом разместилось в общей сложности 250 лет!), не было ни натянутости, ни фальши, ничего того, что должно имитировать прошлое, хотя, конечно, «а помнишь? а помнишь?» было в достаточной степени. Не было Коли Свенсона — была память о нем, моя, влюбленного «кишонка», его жены и его «соратников» — хорошая память...

Но хватит, а то я никогда не выберусь из тенет тех далеких лет, когда мне еще не было пятнадцати — «критического» для меня возраста — до этого возраста я еще мог стать «пятнадцатилетним капитаном», но опоздал ровно на столько же, ставши в войну «тридцатилетним капитаном», да и то не морским, а «саперной землеройкой».

Еще несколько слов о Джоне Лайденберге, отце Стива. Я получил от него письмо из Франции, где он читает сейчас лекции. Пишет, что, когда был в Париже, специально ходил в советское посольство, чтоб достать «Новый мир» с письмами его отца. Встретивший его симпатичный молодой человек в свитере сказал, что номер журнала он достанет, за ночь прочитает «Дедушку и внучка» и просит мистера Джона прийти к нему завтра в 10 часов утра. Джон пришел, и в течение четырех часов молодой человек переводил и пересказывал ему, американцу, написанное о его отце и сыне в далекой России.

Я тронут и заочно, с запозданием благодарю неведомого мне, столь внимательного и любезного молодого человека в свитере из советского посольства. И в то же время, получив письмо Джона, я был огорчен — почему молчит его сын, ведь ему-то я журнал послал. Я решил, что ему что-то в моем писании не понравилось и по своей деликатности он не отважился об этом говорить.

И вот месяц тому назад пришло наконец от него письмо. Привожу его текстуально, не меняя орфографии и стиля.

25/8-70

Дорогой Виктор Некрасов.

Извините для того что я вам так давно не написал. Уже больше года тому назад что я получил от вас и письмо и Новый Мир со статьей в тот же день. Какое удивление! Вы сказали, что писали статью, но я не совсем верил. И вот она уже опубликирована... Конечно, что я ее очень быстро и с большим вниманием прочитал — даже все эти письма которые дедушка написал — порусски. Вы сказали «может быть здесь кое-что и не так, как было» — и это правильно. Вы точно так описывал себя, но я уверен что я совсем не так хорошо и остроумно выражался по-русски, и не вел себя так дипломатическо. Но как можно на такие ошибки сердиться? Дух нашей встречи там действительно есть. — Вы знаете — это тоже первый раз в жизни что мои слова, хотя немного из них, напечатаны. Здесь я пишу и пишу по-английски — больше частью, пьесы, это правильно — и, хотя что два из них уже поставили, мне до сих пор не удалось здесь опублиновать ни слов. По-моему, это очень иронически.

С тех пор как я в последний раз с вами переписал, конечно много случилось со мной и со семей. Будет бы интересно вам все рассказывать, но я не знаю ни где начать, ни с чем кончить. Достаточно вам сказать, что я женился шесть месяцев тому назад и очень счастливый этому. Может быть мы с женой будем в Европе будущем летом и путешествуем немножко по Советскому Союзу. Тогда вы может с ней познакомиться, но не разговаривать, так как она только умеет по-русски «Я покупаю книгу» и «давно вас не видел» —

Привет вам, матери — искренно СТИВ